

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1930-е гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (тема: «Советская социальная политика в условиях индустриализации в 1930-е гг.»).

Статья посвящена изучению историографии социальной политики СССР 1930-х гг. Рассмотрена историография мероприятий советской власти в области здравоохранения; обеспечения жильем рабочих и крестьян; организации быта, общественного питания и продовольственного снабжения населения.

Ключевые слова: социальная политика; СССР; модернизация; историография.

В условиях финансовой и экономической нестабильности социальные проблемы государства выходят на первый план. Стабильность общества в таких условиях может поддержать только взвешенная, продуманная социальная политика, автором и исполнителем которой является государство. Особенно потребность в эффективной социальной политике возрастает в современной российской действительности – в период модернизации всех отраслей производства. Основным капиталом в XXI в. становятся человек и его интеллектуальный потенциал, поэтому при проведении модернизации необходимо уделять повышенное внимание социальной сфере. Реализация современной социальной политики невозможна без учета предшествующего опыта, глубокого осмысления и анализа ее достижений и недостатков. Одним из исторических примеров осуществления государственной социальной политики в период модернизации является социальная политика СССР в 1930-е гг.

В изучении социальной политики 30-х гг. XX в. можно выделить два основных периода – советский (начало 1930-х гг. – 1991 г.) и постсоветский (с 1991 г. до настоящего времени), принципиально отличающихся, прежде всего, методологическими концепциями исследования. Сам термин «социальная политика» в 1930-е гг. в СССР не употреблялся. Авторы предпочитали изучать отдельные стороны материально-бытовой сферы жизни населения. Одной из тем, оказавшихся под пристальным вниманием исследователей, стало жилищное обеспечение. В работах 1930-х гг. признавалось наличие самой жилищной проблемы, однако вместо ее объективного анализа давалась критика мероприятий, ранее проводимых в этом направлении царским правительством. Цель такого исторического экскурса заключалась в том, чтобы показать «истинного виновника» в существующих жилищных проблемах. Акцент в анализе причин сложного жилищного положения рабочих был явно смещен с деятельности советской власти в сторону наследия дореволюционного времени. Характерным для первых публикаций было освещение тяжелых жилищных условий рабочих за границей [1]. В ходе такого обзора авторы пытались доказать тезис, что жилищный вопрос возможно решить только при отмене капиталистического способа производства.

Для первых исследователей было свойственно, вооружившись цифрами, демонстрировать значительные позитивные изменения, произошедшие в жилищной сфере благодаря действиям советской власти. Положи-

тельная тенденция представлена по затратам средств на жилищное строительство, числу построенных домов, объему введенной жилищной площади и др. Вместе с тем в указанных книгах статистический материал часто не сопровождался анализом и объективными выводами. Цензурные ограничения того времени делали публикации излишне схематизированными и сухими. При этом, естественно, упускалось из виду, что правительство, сосредоточив свои усилия на реализации экономической программы, последовательно и планомерно подчинило все жизненно важные для общества ресурсы, в том числе и жилье. Социальные права, таким образом, превратились в средства поощрения и наказания, которыми распоряжалось государство.

Возведение жилья тесно связывалось с развитием общественного питания. Организация общественного питания авторами первых работ виделась залогом выполнения всего народно-хозяйственного пятилетнего плана [2]. В первую очередь, организация общественного питания должна была повысить производительность труда рабочих, которые вместе со своими семьями становились основными потребителями сети. Проблема обеспечения населения продовольствием стояла достаточно остро, что и отмечал в своих выступлениях 1929–1930 гг. нарком снабжения (с 1934 г. – нарком пищевой промышленности) А.И. Микоян. Переживаемые страной трудности в продуктовом снабжении А.И. Микоян объяснял «отставанием развития сельского хозяйства от растущего спроса городов», «зависимостью социалистической индустрии от мелкого индивидуального хозяйства с его малой товарностью» [3. С. 24]. Преодолеть эти недостатки, по его мнению, должна была коллективизация, создание крупных хозяйств. Но уже в 1936 г. нарком пищевой промышленности говорил о решенном продовольственном вопросе, о том, что все отрасли пищевой промышленности развивались успешно. Теперь оставалась только необходимость совершенствования качества производимых продуктов: «Мы хотим, чтобы у наших рабочих, колхозников и трудящихся вкус развивался, чтобы они переходили от простых продуктов потребления к более высоким и питательным» [4. С. 28].

О «значительном улучшении в рабочем снабжении», «широком развитии колхозной торговли» и «возросшей товарной продукции сельского хозяйства» в середине 1930-х гг. писал в своей работе З.С. Бологин [5. С. 4]. Автором активно внедрялась мысль, что советский рабочий снабжается продовольствием лучше, чем американский или европейский, чем рабочие доре-

волюционной России. З.С. Болотин отмечает ликвидацию безработицы и значительное повышение материального благосостояния рабочего класса. Высоко автор оценивал и успехи советской торговли, отмечая улучшение качества промышленных товаров (одежды, обуви, галантереи, трикотажа), рост покупательской способности, уровня предъявляемых к товарам требований.

Система здравоохранения в публикациях 1930-х гг. представлена, в первую очередь, как средство «сохранения и оздоровления живых энергетических ресурсов страны» [6. С. 3]. Между заболеванием и производительностью труда авторы проводили прямую связь. Заболеваемость ими воспринималась как непродуцибельная потеря рабочего времени, которая наносила вред народному хозяйству. На систему здравоохранения возлагалась важная задача по снижению заболеваемости рабочих. Этого можно было достичь с помощью предупреждения развития заболеваний, прежде всего, в «основных промышленных районах», «особо выделенных предприятиях» и «ведущих участках социалистического труда» [7. С. 4].

Серьезные шаги к переосмыслению опыта, накопленного системой здравоохранения, начинают предприниматься с 1950-х гг. Значим вклад в изучения советского здравоохранения 1930-х гг. министра здравоохранения РСФСР Н.А. Виноградова. Им были изданы такие работы, как «Основные принципы советского здравоохранения» (1954), «Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934)» (1955), «Здравоохранение в предвоенный период» (1935–1940 гг.) (1955). Существенный вклад в формирование общей картины развития советского здравоохранения вносят союзные сборники статей – «Здравоохранение советской Эстонии» (1956), «Народное здравоохранение Таджикистана» (1957), «Здравоохранение Киргизской ССР» (1959) и территориальные сборники – «Здравоохранение Томской области за 50 лет» (1968). Вышедшая в 1973 г. монография министра здравоохранения РСФСР академика Б.В. Петровского «Советское здравоохранение за 50 лет» посвящена становлению и развитию системы здравоохранения во всех союзных республиках. В качестве главных достоинств сложившейся системы автор подчеркивал единство, централизованность и плановость медицинского обслуживания населения. Отмечались успехи советского медицинского обслуживания, в том числе и достигнутые в 1930-е гг.: «Расширилась сеть лечебно-профилактических учреждений, улучшилось качество медицинского образования, выросла медицинская промышленность, улучшились показатели здоровья населения. Ушли в область преданий оспа, риккетсия, чума. Случаи сыпного тифа стали единичными. Надежная карантинная служба закрыла границу страны на крепкий санитарный замок» [8. С. 15–16]. Б.В. Петровский подчеркивает, что большое значение в эти годы придавалось профилактике заболеваний, о чем свидетельствовали медицинские осмотры, прививки, борьба с вредными привычками. Широкая пропаганда здорового образа жизни, правильного сочетания труда и отдыха стали нормой жизни. В монографии Г.А. Докучаева «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны» (1966) отмечен широ-

кий размах оздоровительной кампании, охватившей сибирские промышленные предприятия: проводились медицинские осмотры, внедрялось медицинское страхование, многие рабочие получили путевки в санатории и дома отдыха.

В 1970–1980-е гг. в центральных изданиях появилось значительное количество исследований, посвященных социальной тематике. В изданном в 1984 г. курсе лекций по истории КПСС говорилось о том, что задача повышения материального благосостояния и культуры трудящихся в 1930-х гг. была успешно разрешена благодаря «громadному подъему производительных сил страны как в промышленности, так и в сельском хозяйстве» [9. С. 338]. В обобщающих монографиях, посвященных истории рабочего класса, социальной политике советской власти дается высокая оценка: полное уничтожение безработицы, улучшение снабжения рабочих и служащих продовольствием и промышленными товарами, совершенствование условий труда рабочих, профилактика профессиональных заболеваний [10]. Отмечалось улучшение жилищных условий рабочих, наращивание темпов жилищного строительства, при этом авторы не отрицали и того, что жилищное строительство явно не успевало за темпами роста городского населения [11. С. 134]. Аналогичные тенденции отмечались в отношении региональной социальной политики. Так, предпринятые советской властью мероприятия в исследовании «История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.)» (1982) оценивались как «надежная основа для укрепления нового социалистического быта, благосостояния рабочих Сибири, а также для формирования и развития социалистического образа жизни» [12. С. 305].

Помимо обобщающих исследований публиковались работы, посвященные отдельным направлениям социальной политики 1930-х гг. Авторы обращались к таким сюжетам, как правовые аспекты социального обеспечения, материально-бытовое положение рабочих, их социальное, культурное развитие. Недостатком таких работ была односторонность в оценке достигнутых результатов в социальном развитии регионов и страны в целом. Классовый подход не позволял раскрыть многообразие причин того или иного социального явления. Социальные группы, не принадлежащие к рабочему классу, рассматривались фрагментарно, не изучался их реальный уровень жизни. Абсолютно не анализировалась обратная связь от общества к государству, отношение населения к проводимым мероприятиям власти в социальной сфере. Фрагментарность приводимого материала не позволяла составить целостную картину социальной политики.

Но при этом нельзя не обратить внимание на более осторожную и сдержанную по сравнению с предыдущими десятилетиями оценку социальной политики. К примеру, В.И. Исаев в монографии «Быт рабочих Сибири: 1926–1937 гг.» (1988), отмечая позитивные изменения в жизни рабочих (обеспеченность жильем, товарами первой необходимости, организация общественного питания, сети детских дошкольных учреждений, медицинского и санитарно-курортного обслуживания), утверждает, что этого было явно недостаточно для то-

го, чтобы говорить о всеобщем благосостоянии и становлении социалистического образа жизни. Вместе с тем уже в конце 1980-х гг. начали появляться работы, которые свидетельствовали о грядущих изменениях в изучении рассматриваемой темы. Особого внимания заслуживает монография Л.А. Гордона и Э.В. Клопова [13], в которой авторы отметили противоречивые социальные последствия модернизации. Для социальной политики того периода было свойственно ограничивать потребление и обслуживание, откладывать их развитие на будущее. Возобладал так называемый остаточный принцип финансирования к проблемам социальной сферы и уровня жизни: «Выделение ресурсов на социальные потребности и благосостояние существенно лимитировалось их выделением на нужды, имевшие в глазах руководителей административно-хозяйственной системы более высокую настоятельность: развертывание капиталистического строительства, совершенствование техники и технологии действующего производства, обеспечение всем необходимым армии и т.п.» [13. С. 83]. Вместе с тем, по мнению исследователей, индустриализация сама по себе требовала улучшения условий жизни и общего повышения культурного уровня населения: «Без первичного школьного образования и медицинского обслуживания, без перехода к городскому образу жизни не мог сформироваться работник индустриального типа» [13. С. 83].

В 1990-е гг. во всех сферах жизни российского общества происходили масштабные изменения, связанные с коренным переустройством политических, социально-экономических отношений. Эти изменения не могли не затронуть историческую науку. В этот период исследователи получили возможность переосмыслить историческую действительность, освободиться от советских идейных установок. Были использованы новые теоретико-методологические основы, появился доступ к ранее засекреченным архивным документам, которые позволили по-новому оценить социальную политику советского государства. При этом специальных фундаментальных исследований по рассматриваемой теме было опубликовано не так много. Современные исследования системы здравоохранения 1930-х гг. сконцентрированы на сюжетах, связанных с ситуацией в отдельных регионах (Горном Алтае, Хакасии, Якутии, Амурской, Горьковской областях и т.д.).

В области государственной продовольственной политики примером нового исследования, основанного на ранее не доступных документах, могут послужить статьи и монографии Е.А. Осокиной (например, «Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг.» (1993), «За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг.» (1997) и др.). На конкретных документах исследователь доказывает, что реальное положение рабочего класса было далеко от оценки официальной пропаганды. Автор рассматривает принципы нормированного централизованного распределения товаров (кому выдавались карточки; каковы были нормы снабжения по карточкам по отдельным продуктам и товарам, по сфере деятельности), отмечая при этом явные диспропорции в снабжении продуктами городского и сельского населения.

Изучение социальной действительности 1930-х гг. с помощью методов демографической науки было осуществлено в работе В.Б. Жиромской «Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное» (2001). Опираясь на данные переписей, автор показала зависимость изменения демографических показателей (смертность, рождаемость, численность и др.) от конкретных социально-экономических событий (голод, эпидемии, переселение раскулаченных, производственный травматизм и др.), происходивших в этот период в стране. Пожалуй, самым основательным исследованием в постсоветском периоде по жилищной политике можно считать работы М.Г. Мееровича [14]. Автор рассмотрел жилищную политику советского государства в качестве одного из механизмов социального управления, который стал основанием градостроительства СССР. Помимо этого, ряд современных ученых изучает жилищную политику в отдельных регионах: например, Э.Г. Меликов (Казахстан), В.П. Андреев (Западная Сибирь).

Детальная реконструкция производственной и бытовой повседневности коллектива московского Электрокомбината, крупнейшего передового предприятия электротехнической отрасли 1930-х гг., представлена в исследовании С.В. Журавлева и М.Ю. Мухина [15]. На основе введенных в оборот документов заводского архива авторы приходят к выводу, что социальное обеспечение рабочих осуществлялось с явными злоупотреблениями со стороны администрации, стремящейся присвоить себе как можно больше материальных средств, предназначенных рабочим. В монографии представлено обеспечение московских рабочих жильем, продуктами и промтоварами, организация общественного питания, медицинского и санитарио-курортного обслуживания, процесс организации профсоюзов, система льгот для ударников. Несмотря на достаточно широкий спектр социальных мероприятий, авторы отмечают, что рабочие были довольны далеко не всеми предпринимаемыми мерами. На заводе «как производственная дисциплина, так и мотивационные стимулы, стремление хорошо работать, были весьма слабыми» [15. С. 64].

С начала 1990-х гг. и до сегодняшнего дня в центре внимания современных исследователей находятся вопросы коллективизации. В многочисленных публикациях представлен уровень жизни крестьян 30-х гг. XX в. Ряд публикаций затрагивает вопросы повседневной жизни крестьянства в целом, ряд работ освещает жизнь крестьянства отдельных территорий страны. В монографиях Е.Н. Осолкова [16] и В.В. Кондрашина [17] изложены трагические события, разыгравшиеся в ходе формирования колхозного строя на Дону, Кубани, Ставрополье, Южном Урале и Поволжье. Результатом непомерно высоких планов хлебозаготовки стали голод, нищета, высокая смертность среди как взрослого, так и детского населения. Исследователи вводят в оборот новые, ранее не опубликованные документы: стенограммы пленумов ЦК ВКП (б), протоколы заседаний и решений Политбюро, материалы сельских райкомов. Эти материалы дают авторам возможность показать реалии социальной жизни крестьянства (значительной части советского населения) 1930-х гг.: крайняя нище-

та, запустение в станицах, голод. При этом руководство страны голод замалчивало и практически не предпринимало никаких попыток улучшить положение крестьян. Проблеме голода 1932–1933 гг. также посвящены научные статьи В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, В.Ф. Зимы.

Несомненный интерес представляют исследования современных зарубежных историков. В частности повседневную жизнь простых горожан рассмотрела в своей книге «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» (2001) Ш. Фицпатрик. Ее внимание было обращено на широкий круг жизненных вопросов: торговля, поиски квартиры, получение образования, вступление в брак и др. Автор отмечает, что обычная жизнь людей проходила в необычных, даже чрезвычайных условиях сталинской России. В связи с этим исследователи интересовали пути и способы, с помощью которых горожане вели обычную жизнь. В результате такая среда, по мнению Ш. Фицпатрик, породила новый тип советского человека, для которого сталинизм стал естественной средой обитания. Подобные поведенческие механизмы Ш. Фицпатрик выделяет и внутри крестьянской среды. Исследователь рассматривает стратегии, взятые на вооружение российскими крестьянами, чтобы справиться с последствиями удара, нанесенного им государством в ходе коллективизации. Подобные стратегии автор называет «стратегиями подчиненных», ибо они неразрывно связаны с подчиненным статусом крестьян в обществе и их положением как объектов агрессии и эксплуатации со стороны вышестоящих органов и отдельных лиц» [18. С. 11–12]. При этом Ш. Фицпатрик значительное внимание уделяет повседневной жизни

крестьянства: голод, «работа спустя рукава, непонимание получаемых распоряжений, безынициативность, мелкое воровство, невыходы в поле по утрам», «апокалипсические и антиправительственные слухи» [18. С. 12–13]. Значительным вниманием к повседневной жизни крестьянства отмечены и монографии исследователей А. Грациози («Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933» (2001)) и А. Грегори («Политическая экономия сталинизма» (2006)). По выражению А. Грациози, политика советской власти в отношении крестьян 1930-х гг. представляла не что иное, как величайшую европейскую войну против крестьянства [19. С. 4].

Давая оценку современному этапу историографии по интересующей нас теме, следует отметить, что значительно расширился круг источников, произошло качественное обновление методов и методик. Долгое время социальная политика советской власти в глазах исследователей была безупречной, теперь же подход к ней стал критичен, выявлен ряд существенных недостатков. Вместе с тем, несмотря на несомненные положительные тенденции последних лет в изучении социальной политики 1930-х гг., следует признать, что тема изучена недостаточно. Основное внимание исследователей сосредоточено на коллективизации и положении крестьянства, вынужденного существовать в этих условиях. Другие не менее значимые составляющие части социальной политики – медицинское обслуживание, жилищное обеспечение, продовольственное снабжение пока еще не нашли должного освещения в трудах современных исследователей. Это предопределяет необходимость дальнейшего изучения данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перчик Л. Жилищный вопрос при капитализме и социализме. М.; Л.: Профиздат, 1934. 124 с.
2. Халатов А.О. О проблемах общественного питания: основные положения. М.: Всенарпит, 1930. 16 с.
3. Микоян А.И. Продовольственное снабжение и наши задачи. М.; Л.: Госиздат, 1930. 64 с.
4. Микоян А.И. Пищевая индустрия советского союза. М.: Партиздат, 1936. 212 с.
5. Болотин З.С. Вопросы снабжения. М.: Соцэргиз, 1934. 140 с.
6. Организация здравоохранения в городах социалистического типа, в промышленных поселениях переходного типа и в районах сплошной коллективизации. Новосибирск: Сибкрайздрав, 1930. 23 с.
7. Здравоохранение лицом к производству. М.; Л.: Госиздат, 1931. 86 с.
8. Петровский Б.В. Советское здравоохранение за 50 лет. М.: Медицина, 1973. 112 с.
9. История КПСС: Курс лекций / Под общ. ред. Н.Н. Маслова. М.: Мысль, 1984. 416 с.
10. История советского рабочего класса / Отв. ред. Л.С. Рогачевская, А.М. Сиволобов. М.: Наука, 1984. Т. 2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг. 512 с.
11. История советского рабочего класса / Отв. ред. А.В. Митрофанова. М.: Наука, 1984. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. 591 с.
12. История рабочего класса Сибири / Отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск: Наука, 1982. Кн. 2: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). 425 с.
13. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
14. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-политический аспекты). Иркутск: ИрГТУ, 2004. 274 с.
15. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 239 с.
16. Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов на/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 96 с.
17. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
18. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 442 с.
19. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 марта 2010 г.